

САШЕНЬКА-ПОЭТ

Когда весь люд смыает ночи копоть
И на работу просыпается чуть свет,
Отцовский окрик мамин тушит шёпот:
«Не трогай Сашеньку, наш Сашенька — поэт!»

А Саша спит уже уж четверть века
И видит всё один и тот же сон —
Как будто он пропойца и калека
Бредёт вдоль времени, от мира отделён.

И на пути его встречаются громады:
Людская зависть, злоба, слепота;
На всё готовые гремящие парады;
Церковной своры сытая орда.

Ему мерещатся, не делая урона,
С холодной выпряткой усатые вожди,
Что правят кладбищем бескрайне-заселённым,
Что никому вовек не обойти.

Но многим больше видит он живущих
Бесследно-тающих разомкнутых теней,
Чей смрадный шёпот, перепонки рвущий,
С эпохой каждой гаже и дурней.

Он видит всё и сон его ужасен
Но чтоб проснуться — нужно умереть...
И смерть летит в дешёвом тарантасе
Отцовским окриком...
и тянет зареветь.

ПЕРЕКУР

Я как-то помню перекур
Была зима и пересменка
Глаза линяли от культур
Став бледно-мутного оттенка
Я из редакции во двор
На белый снег упали мысли
И с сигаретой разговор
Был неизбежен и бессмыслен
Мы в поцелуе проросли
Часы чертили четверть часа
Ресницы снегом зацвели
И пальцы — ломкая пластмасса
Метель крутилась как юла
Как перед Пасхой покойник
И жизнь тащила как могла
До края сгаженный отстойник
И начинался новый век
В четверг, в ноябрь, в 3.15
И растворялся Человек
Вконец устав себя бояться...

ОСЕННИЕ СБОРЫ (8 СЕНТЯБРЯ)

(Борису Рыжему и Владимиру Мишину)

Средь гулящего сбораща
Сам с собою поспоривший
Я святой вышел тот ещё
Помолись обо мне
Нет спасения в глупости
От греховной доступности
От общественной скупости
Я дыра в полотне.

И отчётливо вижу я
В день рождения Рыжего
Эту осень бесстыжую
В переплёте судьбы
И уходят сомнения
Все былые стремления
Наши все откровения
Никому не нужны.

Быть бретёром и пьяницей
Фанфаронить и чваниться
Чтоб на полку собраньицем
Книжной пыли осесть
Избежав увядания
Не сказав до свидания
Увенчать раздувание –
Раньше срока расчесть.

И себя, и творение
Быть без роду и племени
Промелькнуть, как мгновение
Чтоб остаться на век
И задуматься искренне
О петле или выстреле
Смерть поэту – изысканный
И привычный побег.

Далеко ли до крайности
В повседневной случайности
Все забеги на дальности
Перед стартом равны
И ни в чём нет спасения
Ни в каком измерении
Если все откровения
Даже нам не нужны...

ТЫ

Ты красива странной красотой
Всполохи волос, пещеры глаз
Ты не здесь как будто... не со мной
Каждый раз другая
Всякий раз –

Я могу без устали смотреть
Долго-долго, дольше, чем смогу...
Хочется порою замереть
Ты как море...
На своём веку –

Я таких не видел никогда
Не прощаешь хмурую печаль
За тобой крадутся поезда
Ты живёшь – то август
то февраль –

Мимо нот играешь итворишь
Всё, о чём не мог я и мечтать..
Ты Везувий – вспыхнешь, не простишь
За тебя смертей
не сосчитать –

Да и надо ли...? пари себе, взлетай
Всякий раз как будто не со мной...
Я зову тебя то замуж, то на чай
Ты смеяешь – в дворы
по мостовой –

Убегаешь, верная себе
Ослепляя странной красотой
Огоньком при каждом фонаре
Я слежу... и жду тебя
домой...

СЫН СВОЕГО ОТЦА

Он всадник был и век познал в бою.
Надеясь оправдать сыновье имя,
Он даже душу подковал свою...
Чтобы не полниться стремленьями иными.

В любую сечь, за правду и за ложь,
В любой разлад спешил вступить слепец.
Жнецу подобно подрубая рожь,
Он делал то, чем горд бы был отец.

Когда бы где не строились костры
Для новых тел – он был там, распаляя пламя,
Не потому, что зол был и лишать хотел,
А потому, что тем его лишь знали.

Он чтил завет – но с болью каждый раз.
«Что я познал?» – так думал, уходя.
Наживши сына, дал ему указ:
«Ты будешь... пастухом, моё дитя».

БАЛАНСИР

И я теперь роняю балансир
Ненужных принципов, вконец ослепшей веры
Мне не дойти и отперты вольеры
Пусть будет так – мне не хватило сил.

Пусть всё уйдёт, забудется, растает
В гамбите жизни пешкой стану сам
Лакей услужит ветреным часам
Пока не явится к порогу Костяная.

Баталий много было на пути
Я избегал их – дань платил за робость

Испытывая гнусненькую гордость
Что мог ужом повсюду щель найти.

Мне было в дар дано стать в жизни фарисеем
Духовным евнухом, паяцем для других
Чтоб утонуть в разврате дней мирских
И чем мне гаже было, тем милее.

Родившись в век содеянных дистопий
Я принял страх за нулевой меридиан
За Бога – власть, за истину – карман
И вместо солнца мне хватало копий.

И вместо музыки – «тапёрноё искусство»
Из откровений – сводки новостей
Я был никем всё злее и жадней
Давил в себе любое вспыхнувшее чувство.

Я создал этику разврата безумства
И я кутил, но мелко – хоронясь
С гнильцой стыдливости болезненно сроднясь
Не мог в конец держаться вольнодумства.

Не стал героем повести своей
Чужой тем более – куда уж мне в герои
Я цену знал себе и стену строил
Чтоб никому не сделаться родней...

«Как по канату – стиснув балансир
Из тех забытых «истинных» понятий
Шёл слабый шут – всё мельче и горбатей
Пересекая свой нескладный мир.

И на устах застывшая усмешка
И на челе мозоль – всем присягай:

«Пусть не орёл мне выпадет, а решка
Я так задумал – в ад идти, не в рай...

Мой катехизис – ври и притворяйся!
Мой гуманизм – служа, не вопрошай...
Моя эстетика – молчи и раздевайся
Моя планида – пнули – отползай».

СКАЗКИ ПЯТОГО УГЛА

Запределье, зазеркалье
Сказки пятого угла
Омут в каждой чашке чая
Пропасть посреди стола.
Всё что было, убывает
Забывает нас и мы
Различаем, постигая
Все оттенки пустоты.
За границами сомнений
Прожигают свечи ночь
В старом мире сновидений
Тень меня уводит прочь.
В серый лес – сплошную чащу
Вглубь за проклятый ручей
И ещё немного дальше
Всё ничьё и я ничей.
Появляются колонны
Древний храм мой ловит дух
Поздний гость всегда желанен
Звук шагов доносит слух.
Кто-то за спиной крадётся
Обернуться не могу
Кровь в висках наружу рвётся
Быть бы в меловом кругу.
Сотни глаз ползут под кожу
Закипает пола гладь

Вспышки памяти тревожат
Начинаю забывать.
Забываю лица, жизни
Остаётся только страх
Безголосый крик пытает
Разрываясь на устах.
Дна всё ближе ощущенье
И шаги уже во мне
Тушат свечи мои – тени
Что-то жжёт на глубине.
Расплывается и гаснет
Сказка пятого угла...
Чашку чая выливаю
В пропасть посреди стола.

КОНЦЕРТ ЖИЗНИ

Провидцы слышат музыку дорог
Играет бог по партитуре жизни
Палитры снов без резкости тревог –
В такие дни не думаешь о тризне.

В тот самый миг, как гасит землю дождь
Стаккато ксилофона ржавых крыш –
Раскат литавров! – чувствуешь... Живёшь!
И над судьбой, над временем паришь!

И утопают мысли в звукопереливах
Минор сменяется сметающим мажором
Рой интонаций глупых, но счастливых
Звучит искрящим чистым камертоном.

Фагот с гобоем тихо говорят
О флейтах грезят духовые слуги
Дуэт приятелей мечты слагает в лад
Сыграть сюиту страсти без прелюдий.

И жизни циклы ранящих реприз
И монохромную палитру злого быта
Вдруг заменяет еле слышный бриз
И сердце в небо поднимает лётчик сбитый.

Всё оживает в унисон с крещендо
Но гамма тухнет – новая фигура
Нас заменяет механизм волшебный...
А может жизнь всего лишь увертюра?!

Тускнеют краски, яркие сперва
Оркестр в безвременье лазоревом парит
И догорают на смычках обертона
И каждый тakt извечным сном манит.

И льётся музыка по акведуку нот
В оранжереи отзывающихся звуков
На старых кладбищах неспетое живёт
Немой закон, несыгранная мука.

Сольётся всё в финале неизменном
И лейтмотивом прозвучит любовь
Настанет срок адажио вселенной
Кадансом остановит кровь.

Но после соло траурного тона
Мелодию забвенья свергнет бас!...
Звучит над миром призрачная кода
И композитор нам играет нас...

ИГРУШКИ

Устроим дуэль на пальцах – толчок,
и смертельна рана

Сыграем в неандертальцев, по новой откроем
страны

В полях моей старой шляпы отыщем
пиратский клад

Придумаем путь скитальцев, оставивших
райский сад.

Пройдём по мосту над бездной, представив себя
на дне

Ты скажешь – и я исчезну, но сбудусь, как
в вещем сне

Линейкой измерив оси, границы стирая с карт
Ответы найдём в вопросе, из финиша сделав старт.

На рыцарский бой заглянем в далёких чужих краях
И с честью себя прославим на шахматных лошадях
Во славу былых традиций, не пряча глаза и лбы
Друг друга сразив, простимся под славные звуки
трубы.

По лестнице вверх и к морю по берегу босиком
Чуть слышно о чём-то споря, подумаем о былом
И мыслей срубив деревья, костёр разведём в леске
Проснёмся с утра в квартире лежащими на песке.

В песке телефон-ракушка, на линии бытиё
Мы божья с тобой игрушка, но Он нам отдал её.
И мы – череда историй, а игры всегда просты
«Устроим дуэль на пальцах...?» – «Сегодня, чур,
ранен ты».

ПРИЮТ

Яр кончается обрывом, а болото – глубиной
Остальное просто сливом, будь ты трус или герой
Наступает время помнить, отступает время спать
И крадётся вероломно страх рассудок потерять...

Грязно-синими цветками загноились позади
Истлеваяющие будни износившейся любви
Имитация расплаты — невозможность забывать
Переполнена палата разучившихся прощать.

И над нами маски смерти всё безжалостней и злей
С липким лязгом стрелки чертят географию теней
Всюду знаки черноглазой, должникам не изменить
Путь сведёт на переправу – все там были, всем там
быть...

Кружевами мысли вьются без начала и конца
И блуждает взгляд безумца по галактике лица
«Я способен на поступок, Я могу всё сам решать!!»
Но шептунья лезет в ухо, будет ночью
шебурррршишшшь.

Снов затёртые пластинки жёлтой пеной под иглой
Сплошь рентгеновские снимки о разломах в нас
с тобой –
Атлас кончится когда-то, будет некуда бежать
«Дед мороз роняет вату – я не в силах
удержать...».

ПОПУГАЙ

Накиньте платок моему попугаю
Он много и страшно всегда говорит
И речь его льётся густая, глухая
Единственный глаз неусыпно горит...

Накиньте платок и заткните мне уши
Я больше не в силах его выносить
Я речью его постоянной удушен
Он всюду умеет меня находить!

Накиньте платок на пустую коробку
Он там... в глубине, его шёпот в висках:
«Всё тщетно, всё тщетно, пойдёшь на растопку...
Не спрячешь, не спрячешь себя на листках...

Забудут, забудут, ты лишний, ты лишний...
Дороги, дороги ведут в никуда...
А там пустота, пустота и Всевышний...
Обманет, обманет, оставит тебя...

Ты слаб и ничтожен, ничтожен, ничтожен...
Ты трус и убийца, убийца и трус...
Твой путь одинок, одинок, безнадёжен...
Ты скоро познаешь забвения вкус...»

Накиньте платок, умоляю, скорее!
Весь мир замолчал, только Он говорит
Я как-то сжимаюсь перед ним и бледнею
Он скоро совсем мою жизнь поглотит.

И всё будет так, я не в силах не слушать
Я сделаю все, чтобы он ни сказал
Безвольно пытаюсь цепочку нарушить
Но голос велик, а я жалок и мал.

Накиньте платок на меня или саван!
Быть может, тот голос меня не найдёт...
Но клювом по крышке стучит одноглазый
И голос внутри... из меня же растёт.

ПОЭТИЧЕСКОЕ

Я не лирический герой –
Я прозаический подонок!
И лёд весной извечно тонок
«А был ли мальчик, господа...?»
Была любовь, надежда, вера
Или всё это – суэта
И мы все жертвы адюльтера
И ими были мы всегда? –

Не знаю...

Это ли не чудо?
Когда из этих самых букв
Напитки цвета изумруда
В бумажный копятся бурдюк
Чтобы разлиться, расплескаться
По головам, ушам, глазам
Живой водой в нутро впитаться
Ключами стать ко всем замкам.

Возможно, рано мы сдаёмся
Уходим в вечность сгоряча
В любви бессовестно клянёмся
Чтоб лишь дотронуться плеча
И ускользнуть к другим вершинам
Или пропасть в стране дилемм...
Поэт чуть больше чем мужчина –
В словах.
На деле – меньше чем.

ПОСЛЕ 17-ГО

Нарушен сон, мигрень заела
И до рассвета много лун
И скрипкой кошку полоснуло
И в стенках зашуршал грызун
И нищета в лохмотьях жмётся
К моим хладеющим ногам
И Достоевский не умётся
Пока старухе в лоб не дам
Раскрылась форточка на кухне
Судя по звону – навсегда
«И как же потолок не рухнет
Когда так сильно льёт вода?»
И сквозняков неслышный топот
Чуть тронет сверху «ильича»
«Нет денег, но зато есть опыт»
«Зато не в планах „Палача“»...

...и я впотьмах всё делаю потуги
Асфальты снов глазами раскатать
И надо спать, да мыслей топчут фуги:
«Продал бы родину – да нечего продать...»

ДЕКАДАНС

О, как особенно сгорают!
Часы ночные в антимире
Две наших жизни – чёт и нечет
Две смерти наших – три, четыре.

И как безжалостно хохочет
Свидетель нашего паденья
И ударяет молоточек
По жертвам будущего тленья.

А мы лежим и всё случайно:
Страна, эпоха и судьба
И этот скрежет всетрамвайный
И лай бродячих, и пальба.

И ничего не существует
Нет поражений, нет побед.
Берёшь верёвку бельевую –
Уходишь снова. От бесед.

А я встаю и снова ходу
Мне в ночь опять идти искать
Тебя в случайных переходах
Чтоб объяснить и досказать.

И воротник подняв повыше
Ворон оставил на посту
Я, осмотревшись, в город вышел
Надев берет на пустоту.

РВУТСЯ ТРОМБЫ ДОРОЖНЫХ РАЗВЯЗОК...

Рвутся тромбы дорожных развязок
Заплетая узлом магистраль
Лабиринт из мифических сказок
Где квартира – священный Грааль
Где весь город – невиданный ребус
Безответно, бессмысленно врёт
Голубой не приходит троллейбус
И «вокзал для двоих» – нас не ждёт.
Не приходит «любовь к человеку»
Не проходят болезни войны
И звучат в головах век от века
Лжепризывы пропащей страны:

«Молодым – тупики и «свободы»!
«Старикам – одиночество приют!» –
И летят под откос наши годы
И с досады нам в лица плюют...

И РЫЦАРЬ ПЕЧАЛЬНЫЙ МОЛЧАЛ...

Средневековые химеры – кострами души очищать,
Чтоб разрешить вопросы веры, спросивших нужно
зачищать.

Чума и Церковь, мор и голод – поленья, кровь
и топоры
И феодальный грязный город, и ризы острые углы.

Вассальный голод власти ждущих, духовных глав
скупой расчёт,

За веру в деньги в бой идущих в очередной
крестовый ход.

Всем индульгенции на сдачу, да инквизиторов
следы,

Лишь рыцарь книжный грустно скачет... на мельниц
плотные ряды.